

С. И. ВАЙНШТЕЙН

РОД И КОЧЕВАЯ ОБЩИНА У ВОСТОЧНЫХ ТУВИНЦЕВ

(XIX— начало XX в.)*

В современной литературе население таежных районов восточной Тувы (Тоджа, Тере-Холь) известно под названием «восточные тувинцы». В хозяйственном отношении они делятся на оленеводов и скотоводов. В культуре обеих групп восточных тувинцев тесно переплетаются черты, восходящие к культуре таежных охотников Северной Сибири и степных скотоводов Центральной Азии.

Оленеводов восточной Тувы и скотоводов Тоджи, до недавнего времени отличавшихся от тувинцев других районов рядом культурно-бытовых особенностей, нередко называют также «тувинцами-тоджинцами».

При изучении социальной организации восточных тувинцев XIX—начала XX в. особый интерес вызывали обычаи, связанные с сосуществованием соседской кочевой общины, и пережитки родового быта. Этот интерес обусловлен сохранением еще в начале XX в. в быту восточных тувинцев, в силу их относительно изолированного географического положения, ряда архаических черт, исчезнувших у населения других районов Тувы на несколько веков ранее.

В XIX — начале XX в. Тува входила в состав Маньчжурской империи, и для нее в целом были характерны феодальные отношения. Вместе с тем в социальной организации восточных тувинцев определенную роль продолжали играть пережитки родового быта.

Восточные тувинцы строго различали себя по принадлежности к родовым группам¹. Мы зарегистрировали в восточной Туве следующие родовые группы: Дарган, Даргалар, Демчи, Кара-Соян, Сарыг-Соян, Соян, Саарыг, Тодут, Ак-Тодут, Кара-Тодут, Кезек-Куулар, Кезек-Маады, Кыштаг, Маады, Урат, Хаазыт, Хойюк, Шадык, Шокар, Чогду, Чооду, Балыкчы, Кара-Иргит, Сарыг-Иргит, Хертек, Хоскан (последние пять групп в Тере-Холе). Территорию Тере-Холя населяла также родоплеменная группа Кыргыз, которая, однако, по ряду историко-этнографических особенностей выделяется из числа восточных тувинцев.

Названные родовые группы нельзя, разумеется, рассматривать как не претерпевшие изменений древние образования, сложившиеся в восточной

* Предлагаемая работа основана главным образом на полевых материалах, собранных автором в восточной Туве в 1951—1958 годах.

¹ Опрошенные нами лица старшего поколения обычно давали ответ на вопрос о своей родовой принадлежности. В силу этого мы не можем согласиться с сообщением М. И. Райкова, будто «немногие из саянцев знают, из какой они кости, а когда спросишь об этом, то скажут название того сумына, в котором они числятся. Деление на сумыны чисто административное, искусственное и притом недавнего происхождения» (М. И. Райков, Отчет о поездке в верховья р. Енисея, совершенной в 1897 г. по поручению РГО, «Изв. РГО», т. XXXIV, вып. IV, 1898, стр. 448—449). Более прав Ф. Кон, отметивший, что «у тоджинцев строго отличают „сююки“ от „арбанов“» (т. е. роды от административных единиц — С. В.). См. Ф. Кон, За пятьдесят лет, Соч., т. III, М., 1934, стр. 97.

Туве в условиях первобытно-общинного строя. Как нам уже приходилось отмечать², родоплеменной состав восточных тувинцев весьма сложен — он включает как тюркские, так и самодийские, кетские и монгольские по происхождению компоненты.

Условия и время появления в восточной Туве названных родовых групп также весьма различны. Среди восточных тувинцев имеются осколки древних племенных групп, зафиксированных письменными источниками. Например, род Урат, видимо, связан своим происхождением с древнейшим монгольским племенем урат (урут), упоминаемым Рашид-ад-Дин³. Некоторые этнонимы восточных тувинцев (Чооду, Соян, Маады, Уулар и др.) встречаются как родовые названия у тувинцев центральных, западных и южных районов области, а также у других народов, что указывает на относительную древность этнонимов. Например, этноним Соян (в различных фонетических вариантах) известен, помимо восточной Тувы, в южных и западных районах области, а также у алтайцев⁴, казасов⁵, киргизов⁶, халха-монголов⁷ и др.

Нам удалось записать, по всей вероятности древнее, предание о происхождении Соянов. Оно сообщает, что Сояны произошли от брака женщины и медведя, потомство которых жило в пещере Соксал по р. Мургуун в Монголии. Постепенно число Соянов увеличилось, и они перешли в урочище Алтай-Холь по р. Тесь, затем численность их столь возросла, что часть их ушла в лес, где приручила оленей, а часть широко расселилась в степях.

Вместе с тем имеются и такие роды, названия которых сравнительно позднего происхождения. К ним относятся роды Даргалар, Демчи и Кыштаг. О последнем сохранилось предание, что он произошел от нескольких семей из рода Чооду, потерявших оленей и вынужденных в силу этого долгое время жить на зимовье (кыштаг), не совершая кочевков.

Даргалары ведут свое происхождение от богатыря Ала Дарга, боювшегося, согласно преданию, с Хорламай-ханом. Из письменных источников известно, что Хорламай (Хурулмай) был участником исторических событий, протекавших в первой четверти XVIII в. в восточной Туве⁸.

Роды (сёек) восточных тувинцев в начале XX в. насчитывали в среднем от одного до нескольких десятков семей, но были и вымирающие родовые группы, представленные всего двум-трем семьями (например, Хойюк, Шокар).

В настоящей статье мы называем родами такие группы восточных тувинцев, члены которых в XIX — начале XX в., будучи связаны экзогамией, осознавали свою принадлежность к одному роду, вели свое происхождение от общих предков, сохраняли память об общей территории расселения и имели общее родовое имя.

Наиболее сохранившимся пережитком родовых отношений у восточных тувинцев, особенно у оленеводов, была экзогамия: брать жену или вступать в половые отношения можно было только с женщиной из другого рода. Экзогамия является, как известно, одним из основных призна-

² См.: С. И. Вайнштейн, Очерк этногенеза тувинцев, «Уч. зап. Тувинского научно-исследов. ин-та языка, литературы и истории», Кызыл, 1957, стр. 178—214; его же, Некоторые вопросы этнической истории тувинцев-тоджинцев, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», в. XXIX, М., 1958, стр. 90—94.

³ Рашид-ад-Дин, Сборник летописей, т. I, М.—Л., 1952, стр. 78; См. также: Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, М.—Л., 1934, стр. 181.

⁴ В. Радлов, Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии, Иркутск, 1929, стр. 11.

⁵ W. Radloff, Aus Sibirien, т. I, Leipzig, 1884, стр. 208.

⁶ Я. Р. Винников, Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. I, М., 1956, стр. 147.

⁷ И. Майский, Современная Монголия, Иркутск, 1921, Приложение, стр. 14.

⁸ А. М. Позднеев, Монгольская летопись «Эрденин Эрихэ», Материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г., СПб., 1883, стр. 321.

ков рода. Ф. Энгельс отмечал, что экзогамия — «основное правило рода та связь, которая его скрепляет; это — отрицательное выражение той весьма положительного кровного родства, в силу которого объединяемым индивиды только и становятся родом»⁹. Экзогамия находила свое отражение не только в фактически соблюдавшихся брачных нормах, но и в классификаторской терминологии родства.

У тувинцев, как и у ряда других тюркских народов, терминология родства объединяет прямое и коллатеральное родство. Мы находим здесь общие названия для родственников по прямой и боковой линии. У восточных тувинцев строго различались названия для родственников определенного возраста, отражавшие древние возрастные группы. Например, не существовало термина для обозначения родного брата и сестры, но зато строго различались родные и коллатеральные братья и сестры определенного возраста. Так, термином «дунма» называли своих младших братьев и сестер, а также детей сестры и брата отца (моложе говорящего). Для обозначения старших братьев — родных, двоюродных и троюродных — и младших братьев отца (но старше говорящего) служил термин «ақы», произносимый у оленеводов как «ақыйы».

При анализе классификаторской системы родства видны следы разграничения родственников по линии матери и по линии отца, что отражает решающее значение родовой принадлежности в условиях существования экзогамии. Например, брат матери носил название «даай», а брат отца — «ақы».

У тувинцев, в том числе и у восточных, сестра матери старше говорящего называется «даай-ава», бабушка по матери — «даай-эне». Характерно, что у алтайцев для обозначения некоторых родственников матери в том числе дяди по матери, а также свойственников, родственных ему служил термин «тай»¹⁰. Очевидно, термин «даай» у предков современных тувинцев, как и у алтайцев, обозначал в прошлом членов материнского рода.

Характерным проявлением отцовского рода у тувинцев было явление, отмеченное Ф. Коном: «Браки с ближайшими родственниками матери ничем не ограничены: можно жениться на двоюродной сестре по матери и даже на сестре матери»¹¹, тогда как браки внутри отцовского рода были запрещены. Счет родства и наследование велись у тувинцев также по отцовской линии.

Вместе с тем у тувинцев-оленьеводов сохранялись пережитки матрилокальной формы брака, указывающие на существование в прошлом материнского рода. Так, жених после выплаты калыма переезжал в чум невесты, который ставили ее родители рядом со своим жилищем, и жил там от 5 до 30 дней, пользуясь всеми правами мужа. Лишь после этого молодые уезжали в аал мужа.

У тоджинцев-оленьеводов сохранился также очень своеобразный и, видимо, весьма архаичный обычай — калым должен был включать оленье, который считался платой за материнское молоко, которым была вскормлена дочь.

Пережитком былой экономической общности рода в XIX в. являлось право членов рода на охоту за соболем на своей родовой территории, и уже в конце XIX в. этот обычай фактически не соблюдался. Однако наши информаторы еще помнят о родовых территориях, которые в прошлом осваивались членами рода (см. прилагаемую карту родовых территорий тувинцев-тоджинцев).

В некоторых преданиях находит отражение борьба, которую в прощ

⁹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М. 1953, стр. 88.

¹⁰ Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953, стр. 257.

¹¹ Ф. Кон, Указ. раб., стр. 133.

лом вели отдельные родовые (возможно, племенные) группы за свои территории. В этом отношении характерно предание, записанное в роде Дарган. Дарганы считают своей родовой территорией местность, включающую правые притоки р. Хам-Сыры: Казас, Кудургалыг, Чазлыг, Уузу, Кадырос, Кызыл-Даш, левобережье р. Чаваш и правобережье р. Кизи-Хем. Согласно преданию, раньше в этих местах жили люди рода Хаазыг, а Дарганы кочевали южнее. Как-то Хаазыты убили мальчика Даргана. Род убитого потребовал от Хаазытов столь большую плату за мальчика, что Хаазыты не смогли ее собрать. Тогда Дарганы, несмотря на сопротивление, заселили те места, где жили Хаазыты, изгнав враждебный род.

В XIX в. род еще сохранял некоторые культовые функции. Так, каждый род имел свое священное (шаманское) дерево «хам-ыяш», у которого члены рода обращались к «хозяину тайги» с просьбами, вешали на деревья подарки «хозяину» — различные ленточки, конские волосы, разбрызгивали у дерева молоко.

Однако в рассматриваемое время род, пережиточно сохраняя еще отдельные функции, уже не выступает как родовая община, объединенная хозяйственными и общественными связями. Лишь некоторые обычаи, возникшие в родовой общине, продолжали сохраняться в изменившихся условиях.

В конце XIX — начале XX в. аалы восточных тувинцев обычно включали представителей различных родовых групп. В летнее время в аалы входило до 20 семей (по данным Венкеля, посетившего Тоджу летом 1946 г., аалы оленеводов включали от 3 до 16 чумов)¹²; в зимнее время аал состоял из 2—5 семей; ранней весной аалы вновь укрупнялись. Как правило, состав семей, входивших в аал, был более или менее постоянным. Это была уже соседская (территориальная) кочевая община.

Обычно в аалах, наряду с представителями рода, на территории которого кочевал аал, жили члены других родов, нередко связанные между собой узами свойства. Оленевод из рода Соян рассказывал, что он в течение ряда лет кочевал вместе с братом матери и его женой. С ними кочевала также дочь брата с мужем. Формально эти три семьи являлись членами трех различных родовых групп, все они имели свои хозяйства, жили в отдельных чумах, но, составляя соседскую общину, кочевали совместно, делили поровну мясо животных, добытых на промысле, все мужчины аала устраивали коллективные облавные охоты и т. д.

Одним из характерных признаков большинства соседских общин восточных тувинцев было примерно одинаковое имущественное положение ее членов, на что нам указывали многие информаторы. Вместе с тем отдельные баи, используя зависимое положение бедняков и ряд традиций, связанных с существованием соседской общины, кочевали в окружении нескольких беднейших семей, которые фактически обслуживали байские хозяйства.

Между отдельными аалами имелись заметные имущественные различия. Об этом свидетельствуют данные, приводимые Венкелем. Так, аал, кочевавший осенью в верховьях р. Кизи-Кема и состоявший из 10 чумов (42 человека), имел 1200 оленей, а соседний аал в устье Кудыргалыха, состоявший из 14 чумов (50 человек), — всего 300 оленей¹³.

Каждому аалу принадлежала обычно более или менее постоянная территория кочевков, пастбы скота и промысла. Осваиваемая соседской общиной площадь составляла лишь небольшую часть территории, ранее принадлежавшей тому или иному роду; включая определенные урочища, она вместе с тем не имела четких границ.

¹² Государственный архив Тувинской автономной области, р-128, оп. 2, ед. хр. 131, л. 15.

¹³ Там же, лл. 13—15.

Для соседской общины восточных тувинцев был характерен ряд черт, восходящих к родовому быту. Из них нужно прежде всего назвать обычай «юлюг», заключающийся в разделе мяса диких копытных между всеми жителями аала. Он проходил обычно так. Жители стойбища видели, что вернулся охотник, например, с косулей. Весть быстро разносилась по стойбищу, люди начинали собираться в чуме охотника. Сидя в чуме, все одобрительно высказывались об удачной охоте, хвалили охотника, который рассказывал, где и как он добыл зверя. Затем кто-нибудь из старейших жителей аала начинал делить мясо. При этом присутствующие вспоминали, что в прошлый раз старик выделил такому-то человеку заднюю ногу косули. Теперь ее получал другой. Ребра и грудки делили поровну между всеми. Охотнику оставляли лишь голову, шкуру и мясо со спины. Родственные отношения при таком разделе никакой роли не играли. Аналогичные обычаи коллективного распределения добычи были известны у большинства охотничьих народов Сибири.

Важное значение в хозяйственной жизни соседской общины имели облавные охоты, проводившиеся вплоть до начала XX в. Чаще всего устраивали охоту «туралар», в которой участвовали до 10 охотников аала (только мужчины), независимо от родовой принадлежности. Они разделились на 2—4 стрелков и 4—6 загонщиков. Стрелки прятались в засаде на перевале, а загонщики, оглашая тайгу громкими криками, гнали животных в сторону перевала.

До конца XIX в. проводились также архаичные облавные охоты с засекой «тес». Засеки протяженностью в несколько километров сооружали на перевалах. С этой целью валили деревья с таким расчетом, чтобы они, упав друг на друга, образовали загородку высотой до 1,5 м. В засеке оставляли проходы до 3 м, в которых устанавливали самострелы. В сооружении засеки участвовали все жители аала, и она являлась коллективной собственностью общины. Засеку периодически восстанавливали. В облавной охоте с засекой принимали участие обычно все охотники аала. Они шли цепью в сторону засеки, соблюдая между собой сравнительно большие интервалы, чем достигался охват облавой значительной территории.

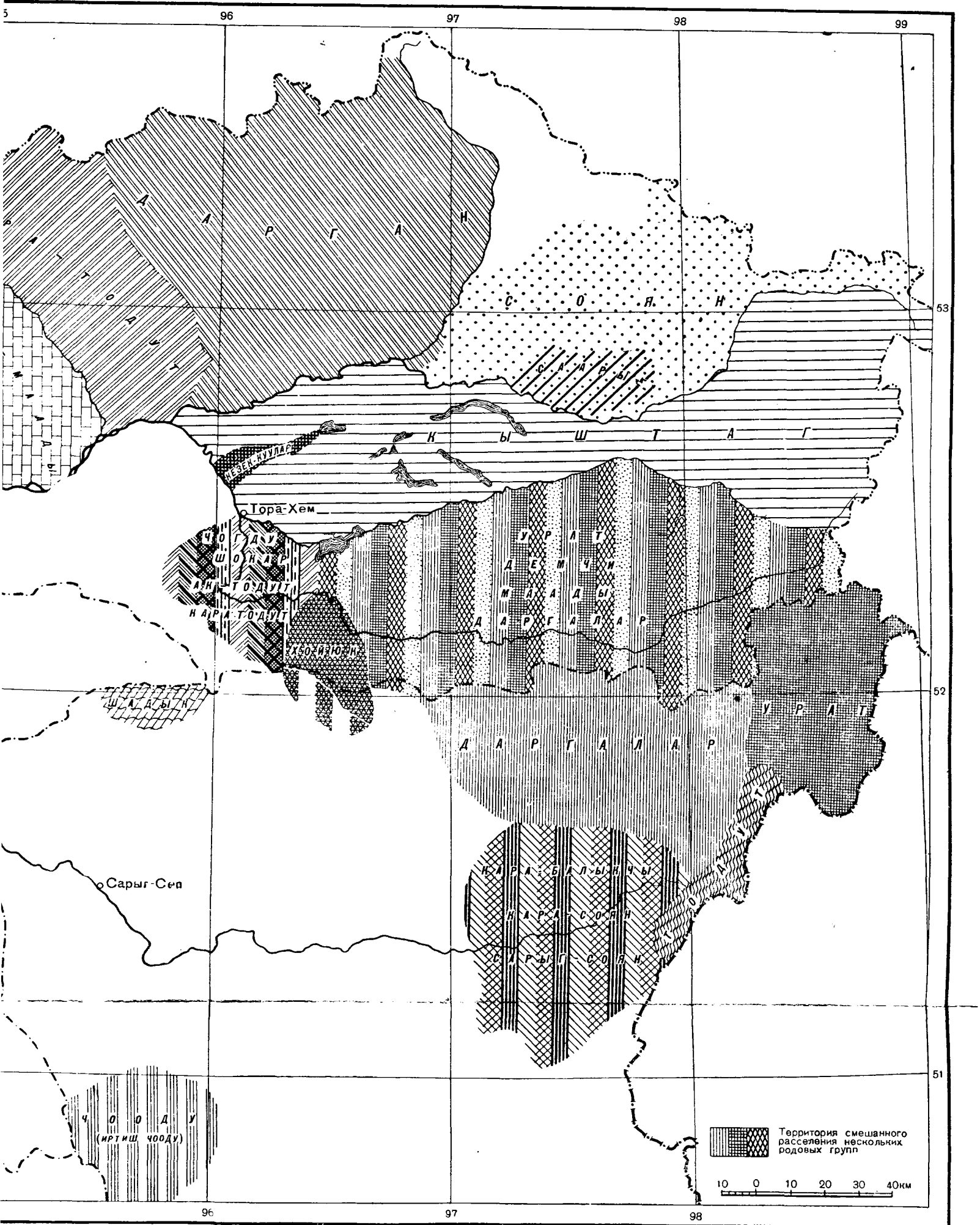
Весной (в марте) почти все охотники аалов принимали участие в облавных охотах «ыдалаар» по насту с собаками. Каждая группа охотников делилась на две части — загонщиков «ыдалаар» и стрелков «туспаар». Рано утром, пока сохранялся наст, стрелки прятались в нигине, а загонщики поднимались на лыжах с собаками в горы. Обнаружив следы копытных, охотники устремлялись в погоню за животными, которые, спасаясь от преследования, спускались в долины, где их ждал засада.

В восточной Туве было известно еще несколько видов коллективных охот, организуемых жителями аала (на путях сезонных миграций животных, у солончаков и др.). Вся добыча, полученная в результате коллективной охоты, делилась поровну между ее участниками.

В. И. Дулов, касаясь реального значения пережитков общинно-родового строя в Туве в XIX — начале XX в., писал: «Наиболее прочные экономические связи родового типа сохранились в Тодже и Тере-Холе. Они были представлены здесь охотничьей артелью, основанной на кровно-родственной связи, пережитки которой в обычае «уджа» встречались также и в остальных районах Тувы»¹⁴. С этим утверждением мы не можем согласиться, так как охотничья артель, как было отмечено выше, складывалась в рассматриваемое время из жителей аала — соседской общины независимо от родственных связей.

Здесь же следует остановиться на обычае «ужа», который, хотя

¹⁴ В. И. Дулов, Социально-экономическая история Тувы. XIX — начало XX в., М., 1956, стр. 162.

Родовые территории тувинцев-тоджинцев в середине XIX века

упоминается в этнографической литературе¹⁵, но оставался у тувинцев недостаточно изученным. У восточных тувинцев этот обычай сводился к следующим правилам.

1. Если охотник убил копытное животное, но не успел погрузить мясо на оленя или лошадь и в это время подошел человек (пусть даже совершенно незнакомый), охотник отдавал подошедшему заднюю часть туши «ужа», шкуру «кеш» и одну ногу «бут». Если охотник был пешим, то обычай действовал до того момента, пока мясо не взалено на плечи.

2. Если кто-либо подошел к охотнику, целившемуся в белку, и сказал «ужа» до выстрела, в момент выстрела или после выстрела, но до того, как охотник привязал белку к поясу, то подошедший забирал белку целиком¹⁶. Если же человек крикнул «ужа» издали и, пока он подходил, охотник повесил белку на пояс, то крикнувший «ужа» ничего не получал. Охотник говорил ему: «Ужан эрте берил-тир» (твое ужа прошло).

3. Таков же был порядок действия «ужа» в отношении соболя, с той разницей, что подошедший получал лишь половину его стоимости. Действие «ужа» сохранялось только до того момента, пока охотник не положил соболя за пазуху.

4. Если охотник вернулся в стойбище и привез добычу в чум, где в это время находился чужой человек, тот, крикнув «ужа», получал соответствующую часть добычи. Если человек зашел в чум после охотника, то «ужа» не применялось.

5. Охотник убил крупное животное, оставил тушу в тайге, сам возвратился в аал. В момент прибытия охотника в чуме находился человек. Если гость отправлялся вместе с охотником за тушей и помогал привезти ее в стойбище, то получал свою долю по обычаю «ужа».

6. Охотник, убив косулю, освежевал ее и, прежде чем погрузить на лошадь, расстелил шкуру на земле мездрой вверх, чтобы она подсохла. В это время появляется человек, произносит «ужа», берет щепотку земли и бросает на шкуру, после чего рывком поворачивает шкуру отвесно, сбрасывая землю. Если большая часть земли осталась на мездре, значит охотник убил косулю совсем недавно, и обычай «ужа» вступает в силу.

7. Два охотника, не входящие в артель, одновременно стреляли в зверя, но у одного из них произошла осечка. Тот, у кого это произошло, все же получал свою долю убитого животного.

8. В одно животное не одновременно стреляло несколько человек, не составляющих артели. Попала лишь пуля одного из них. Определяли, чья пуля сразила животное. Охотник, убивший животное, получал его целиком, за исключением той части, которая по обычаю «ужа» переходит в пользование всех остальных охотников, делящих его между собой поровну.

Обычай «ужа» возник, по всей вероятности, в условиях разложения родового строя и формирования соседской общины, когда нарушается исключительное право членов рода охотиться на родовой территории. Подобный обычай мог сложиться как своеобразный выкуп за право охоты на чужой территории. Любопытный факт, подтверждающий выдвинутое положение, привел нам тоджинский житель К. Эректоол: в начале XX в. один из охотников подал жалобу на другого за то, что последний, охотясь на родовой территории первого, в его присутствии убил зверя, но не дал ему «ужа».

¹⁵ Ф. Кон, Указ. раб., стр. 97—98; Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. III, Л., 1926, стр. 63; Л. П. Потапов, Черты первобытно-общинного строя в охоте у северных алтайцев, «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. X, Л., 1949, стр. 33; В. И. Дулов, Указ. раб., стр. 142—147.

¹⁶ Сходный обычай у алтайцев описывает Л. П. Потапов: «Если тубалар, убив белку, в то же мгновение встречал в тайге какого-либо охотника, хотя бы и совершенно незнакомого, то отдавал этому охотнику убитую белку (Л. П. Потапов, Черты первобытно-общинного строя..., стр. 39). Подобный обычай отмечен также у эвенков (см. А. Ф. Анисимов, Родовое общество эвенков (тунгусов), Л., 1936, стр. 77—78).

Хотя в соседской общине и сохранялись некоторые виды коллективной собственности (территория промысла, засеки, дикие копытные, добытые членами аала), в ней господствовала частная собственность на домашний скот, орудия промысла, основную товарную ценность — пушнину, жилище и пр., что отражало типичный для соседской общины дуализм. Частная собственность порождала внутри соседской общины имущественное неравенство, эксплуатацию бедняков баями, нередко прикрывавшуюся приспособленными к ней пережитками доклассовых отношений.

Из изложенного следует, что, несмотря на сохранение у восточных тувинцев в конце XIX — начале XX в. ряда архаических пережитков, в основе аальных объединений лежали не родовые, а территориальные связи.

В настоящее время в восточной Туве, как и в других районах области, на основе коллективизации и перехода на оседлость развиваются и крепнут новые, социалистические отношения. Складываются глубокие экономические и культурные связи населения всех районов Тувы, успешно преодолевается вековая изолированность восточных тувинцев.

SUMMARY

In the 19th and early 20th centuries the Eastern Tuvinians still considered themselves to belong to different clan groups. By that period the clan, though still retaining certain of its functions (exogamy, etc.) no longer appeared as a clan community held together by economic and social ties. The camps (aaly) generally included members of different clan groups who formed a territorial community.

Although the territorial community continued to retain certain forms of collective ownership (hunting and trapping grounds, abatis for battue hunting, the sharing of the meat of the game between all the inhabitants of the village), private ownership predominated with regard to cattle, hunting and trapping implements, furs — the Tuvinians' main commodity value, dwellings, etc. In this the dualism typical of the territorial community was reflected. It were not tribal, but territorial ties that lay at the bottom of aal communities
